

РЕЛИГИОЗНО - ФИЛОСОФСКІЯ ИДЕИ И ЛИЧНОСТЬ Б. Н. ЧИЧЕРИНА ВЪ СВѢТѢ ЕГО ВОСПОМИНАНІЙ

Русской зарубежной печатью было отмѣчено исполнившееся въ прошломъ году столѣтіе со дня рожденія одного изъ видныхъ представителей русской науки XIX столѣтія, Б. Н. Чичерина. По специальности своей — юристъ, Чичеринъ началъ съ изслѣдованій по исторіи русскаго права, которыя въ свое время нашли всеобщее признаніе, затѣмъ перешелъ въ область исторіи политическихъ ученій и въ область государственнаго права. Параллельно онъ писалъ по философіи и этикѣ — и это было, пожалуй, его главнымъ внутреннимъ призваніемъ. Едва ли въ наши дни многіе читали его философскія сочиненія, но и у современниковъ своихъ онъ не нашелъ широкаго признанія. В. С. Соловьевъ въ своей блестящей полемикѣ съ Б. Н. Чичеринымъ назвалъ его «умомъ по преимуществу распорядительнымъ» — и эта убійственная характеристика даетъ объясненіе, почему Чичеринъ философски не былъ популяренъ и не создалъ философской школы. Въ философскихъ трактатахъ Чичерина видна большая ученость, но не чувствуется той живой непосредственной интуиціи жизни, котторая составляетъ едва ли не главную привлекательность истинно философскаго призванія. Чичеринъ, какъ философъ, никогда не будилъ человѣческой души, не волновалъ ее, не поражалъ откровеніями. Интересно упомянуть, что сходная судьба постигла и его общественно-политическія воззрѣнія. Чичерина можно считать самымъ выдающимся, почти единственнымъ ученымъ и философски-образованнымъ представителемъ русскаго либерализма, однако онъ и въ общественно-политической жизни не создалъ направленія и не оставилъ послѣдователей. Въ настоящее время пытаются пробудить интересъ къ соціально-политической сторонѣ его взглядовъ, — но едва ли это предпріятіе успѣш-

но, такъ какъ и либерализмъ Чичерина не вдохновляетъ и не заражаетъ. По всему этому попытка оживить память Чичерина, да еще на страницахъ актуальнаго религіозно-философскаго журнала, можетъ показаться вполне безуспѣшной. Можно отдавать должное Чичерину, какъ представителю нашей прошлой дворянской культуры, можно удивляться его образованности, начитанности, уму, но все это только въ перспективахъ историческихъ, а не современныхъ. И мы не рѣшились бы писать о Чичеринѣ, если бы память о немъ неожиданно не оживилась съ того момента, какъ въ Москвѣ, въ прошломъ году, вышли два тома его воспоминаній. Они обнимаютъ собою эпоху юности Чичерина и его студенческихъ лѣтъ («Воспоминанія Б. В. Чичерина. Москва 40-хъ годовъ»). Воспоминанія и письма подъ редакціей С. В. Бахрушина и М. А. Цявловскаго. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, Москва, 1929) и эпоху его профессорской дѣятельности въ 60-ые годы (Воспоминанія Б. Н. Чичерина. Московскій Университетъ. Тамъ же). Воспоминанія эти глубоко интересны не только по историческому матеріалу, который они содержатъ, но и по разсыпаннымъ въ нихъ отдѣльнымъ идеямъ и мыслямъ. Когда читаешь эти воспоминанія и сравниваешь ихъ съ сухими, проникнутыми своеобразной схоластикой философскими трактатами Чичерина, невольно задаешься вопросомъ, способствуетъ ли усвоеніе какой либо философской системы проявленію истинныхъ философскихъ интуицій, или, наоборотъ, только мѣшаетъ. Чичеринъ былъ, какъ извѣстно, гегельянцемъ и схемы гегельянской діалектики лежатъ въ основѣ всѣхъ его научно-философскихъ построеній. Сличая нѣкоторыя мысли, высказанныя въ Воспоминаніяхъ, съ философскими произведеніями Чичерина, невольно приходишь къ выводу о существованіи какъ бы двухъ чичеринскихъ «философій», — одной книжной, надуманной, гегельянской, другой — жизненной, непосредственной, созданной на основѣ собственнаго внутренняго опыта. Между этими «философіями» есть, конечно, нѣкоторое внутреннее природное сходство, но ихъ раздѣляютъ въ то же время глубокія разности. Конечно, каждый человекъ выбираетъ себѣ философію по своему духовному складу, и не случайно, что Чичеринъ выбралъ себѣ Гегеля; однако не способствовалъ ли этотъ выборъ тому, что «распорядительный умъ», подъ вліяніемъ гегелевской системы, еще болѣе пріобрѣлъ въ распорядительности и утерялъ въ способности непосредственной жизненной интуиціи. Такъ можно поставить общій вопросъ о роли готовой системы въ философіи и о вліяніи ее на способность философскаго созерцанія. Вопросъ этотъ мы хотимъ разсмотрѣть на примѣрѣ Б. Н. Чичерина, причемъ въ послѣдующемъ выдѣлимъ, какъ наиболѣе характерныя, три проблемы, — проблему религіозно-

метафизическую, проблему нравственную и проблему политическую.

Начиная съ проблемы религіозно-метафизической, интересно отмѣтить, что несмотря на вышеупомянутыя свойства своего ума и на особенности своихъ философскихъ твореній, Б. Н. Чичеринъ, какъ личность былъ настоящимъ философомъ, въ философскомъ призваніи котораго едва ли можно сомнѣваться. Тотъ, кто встрѣчалъ Чичерина лично, и знавалъ его не только по книжнымъ плодамъ, — отъ того не укрывались философскіе тайники его души. Вотъ что однажды написалъ Чичерину Л. Н. Толстой, котораго Б. Н. хорошо зналъ, былъ съ нимъ «на ты» и считалъ человѣкомъ искреннимъ, но сумасброднымъ и «игнофантомъ». «Здравствуй, милый другъ. Ты, я думаю, элился и уже перезлился, такъ что письмо это застанетъ тебя равнодушнымъ... Теперь въ эти минуты я весь въ тебѣ, и отдалъ бы всѣ скирды, сложенныя моими трудами, за вечеръ съ тобою. *Хочется опять умственныхъ волненій и восторговъ...* Хочется слушать тебя, разгадывать, даромъ мгновенно ловить, трудомъ выработанную мысль, усваивать ее, цѣплять одну за другую и строить міры, новые, громадныя, съ одной цѣлью: любоваться на ихъ величіе. Ты вѣрно понимаешь, что я хочу сказать». Какъ видно, онъ былъ способенъ къ тому, что составляетъ извѣчную стихію философіи — къ философскому платоническому діалогу. И намъ приходилось слышать отъ очевидцевъ, онъ пріобладалъ въ этомъ діалогѣ, давилъ своей логикой, поражалъ своей всесторонней ученностью.

Паѳосъ мысли овладѣлъ Чичеринимъ, какъ онъ самъ рассказываетъ, въ ранней юности, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ Москву шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступать въ университетъ, попалъ съ перваго дня въ духовную атмосферу московской жизни 40-хъ годовъ, чуть чуть ли не въ первый вечеръ по пріѣздѣ услышалъ за чайнымъ столомъ знаменитые споры западниковъ съ славянофилами, въ первые дни попалъ подъ эгиду Грановскаго, который сталъ преподавать ему всеобщую исторію. «Меня охватило» — пишетъ про это время своей жизни Чичеринъ — «невѣдомое дотолѣ увлеченіе, увлеченіе мыслью, одно изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ побужденій души человѣческой... Здѣсь сложился у меня идеалъ умственного и нравственного достоинства, который остался драгоценнѣйшимъ сокровищемъ моей души». Идеалу этому онъ и посвятилъ свою жизнь, онъ привелъ его къ занятіямъ философіей, онъ натолкнулъ на чтеніе Гегеля. По словамъ Чичерина, чтеніе это произвело на него неотразимое впечатлѣніе. «Отъ младен-

ческой вѣры не осталось ничего... Передо мною открылось совершенно новое міросозерцаніе, въ которомъ верховное начало бытія представлялось не въ видѣ личнаго божества, извнѣ управляющаго созданнымъ имъ міромъ, а въ видѣ внутренняго безконечнаго духа, присущаго вселенной.» Молодой Чичеринъ принялъ это міросозерцаніе и даже, какъ многіе изъ сторонниковъ Гегеля, старался развить въ сторону болѣе послѣдовательнаго рационализма и атеизма. Чичерину казалось непослѣдовательнымъ то, что Гегель считалъ христіанство высшей ступенью человѣческаго духа. «Мнѣ предстоялъ выборъ» — пишетъ онъ — «между двумя видами убѣжденій, религіозными и научными и я, со свойственною юношамъ рѣшимостью и увѣренностью въ собственныя силы, сбросилъ всѣ свои вынесенныя изъ младенческихъ лѣтъ вѣрованія, какъ устарѣлый балластъ, и слѣпо вступилъ на путь чисто научнаго познанія, доводя отрицаніе до крайности со всѣмъ пыломъ неопита». Правда, въ зрѣломъ возрастѣ, какъ мы увидимъ онъ не только подвергъ исправленію Гегеля, но и понялъ цѣнность религіи, даже сталъ религіознымъ человѣкомъ, православнымъ. Самъ онъ описываетъ это превращеніе свое прямо по Гегелю, по «тріадѣ». Младенческія убѣжденія, «неразличенное еще бытіе», «первобытная гармонія разума и вѣры» — это тезисъ. Затѣмъ слѣдуетъ антитезисъ — юношеское отрицаніе, ибо «только прошедши черезъ отрицаніе, можно *вполнѣ сознательно* возвратиться къ религіознымъ началамъ». Затѣмъ синтезъ, сознательная и разумная религіозность зрѣлаго человѣка. Мы увидимъ, что въ дѣйствительности процессъ не протекалъ такъ сознательно и разумно, такъ, по Гегелю, діалектически. Въ немъ былъ какой то ирраціональный надрывъ, столь странный въ душѣ этого разумнаго, холоднаго, важнаго, богатаго и знатнаго человѣка.

Дѣйствительно, судьба при вступленіи въ жизнь, была не только милостива къ Чичерину, она ему дала максимумъ жизненныхъ благъ, на которыя можетъ рассчитывать человѣкъ. Онъ былъ достаточно знатенъ родомъ, происходя отъ потомковъ еще при Софіи Палеологъ пріѣхавшихъ въ Россію и принадлежавшихъ, слѣдовательно, къ древнѣйшимъ слоямъ нашего служилаго дворянства. Отецъ его составилъ большое состояніе на откупахъ и не пожалѣлъ дать сыну наилучшее образованіе, которое тогда было возможно. Чичеринъ выросъ подъ руководствомъ блестящихъ учителей, вращался среди образованнѣйшей русской среды. У него были огромныя связи, пользуясь которыми онъ могъ сдѣлать самую блестящую карьеру. Студенческая жизнь его была весела и блестяща, но въ то же время не поверхностна и безплодна. «Увлеченіе мыслью» его не покидало даже въ годы наибольшей жизненной разсѣян-

ности, когда онъ, въ качествѣ молодого московскаго барина, отдалъ дань чисто свѣтскимъ удовольствіямъ послѣ окончанія университетскаго курса. Были у него въ этотъ періодъ нѣкоторыя небольшія жизненные огорченія въ связи съ затрудненіями по поводу его диссертациі — затрудненія впрочемъ ничтожныя и скоро преодоленныя. Казалось, все ему было дано, ничего не доставало, — и тѣмъ удивительнѣе кажется запись его воспоминаній, которой онъ отмѣтилъ двадцать седьмой годъ своей жизни: «Я вступалъ въ жизнь — пишетъ онъ — какъ Икаръ, готовый летѣть къ солнцу, а выходилъ къ счастью не потонувши въ житейское море, но нѣсколько помятый, съ изломанными крыльями...» «Я вышелъ изъ этой жизни (московской) уже не такимъ какимъ я въ нее вступалъ. Свѣжесть молодости исчезла; радужныя надежды разсѣялись. Я увидѣлъ жизнь, какъ она есть, въ томъ волнуемомъ смѣшеніи самыхъ разнообразныхъ, то хорошихъ, то дурныхъ, *рѣдко возвышающихъ, чаще принижających* и большей частью житейско-пошлыхъ впечатлѣній, которыя даетъ не слишкомъ образованная и сдавленная неблагоприятными условіями среда...»

Эта наука разочарованія въ жизни вырвалась у Чичерина не въ періодъ заката. Напротивъ, онъ только что началъ восходить. Сравнительно быстро и успѣшно сталъ онъ дѣлать свою научную карьеру. Средства позволили ему совершить продолжительную поѣздку за границу. Диссертациія его прошла блестяще, вступительная лекція была просто событіемъ въ жизни Московскаго университета. Быстро сдѣлался онъ выдающимся профессоромъ, популярнымъ среди студентовъ и среди московскаго общества. Правда, позднѣе, вступивъ въ конфликтъ съ Совѣтомъ университета, онъ покинулъ кафедру по собственному желанію, считая себя уязвленнымъ и негодуя на малодушіе своихъ коллегъ, но выходъ этотъ не подрѣзалъ ему крыльевъ, не выбилъ изъ жизненной колеи. Средства давали ему возможность научно работать, занимаясь въ то же время хозяйствомъ въ наслѣдственномъ имѣніи. Чичерина звали служить, но онъ самъ не хотѣлъ службы. Наконецъ, онъ не безъ колебанія возложилъ на себя обязанность, почетнѣе которой трудно было представить: онъ согласился быть преподавателемъ наслѣдника Николая Александровича, котораго сталъ обучать конституціонному праву и исторіи политическихъ ученій. Онъ сопровождалъ наслѣдника въ заграничное путешествіе, окончившееся трагическою смертью воспитанника, котораго Чичеринъ полюбилъ всей душой. Вотъ въ теченіе этого путешествія случилось въ жизни Б. Н. одно событіе, которое религіозно-философски было не менѣе, если не болѣе значительно, чѣмъ чтеніе Гегеля. У Чичерина обозначился жизненный переломъ, который былъ у

многихъ значительныхъ людей, и который онъ изображалъ въ словахъ сильныхъ и даже потрясающихъ.

Во время путешествія съ наслѣдникомъ во Флоренціи Чичеринъ заболѣлъ, заболѣлъ тяжело и безнадежно. «И докторъ», пишетъ онъ, «и мои спутники считали меня безнадежнымъ. Тѣло мое превратилось въ щепку; у меня сдѣлались мучительныя пролежни, ибо самъ я поворачиваться былъ не въ состояніи... Я самъ былъ увѣренъ, что я умираю, что жизнь такъ утекаетъ изъ меня какимъ-то тихимъ журчащимъ ручьемъ... Эти минуты были для меня страшны. Смерти я не боялся; во мнѣ не было того инстинктивнаго чувства, которое побуждаетъ человѣка хвататься за жизнь, какъ за послѣднее убѣжище брэннаго его существованія. Въ загробную жизнь я въ то время не вѣрилъ, но и прошедшая моя земная жизнь не научила меня ея дорожить. Я прощался съ нею, какъ нѣкогда прощался съ молодостью, съ грустнымъ чувствомъ чего-то неисполненнаго, какихъ то не удовлетворенныхъ стремленій, несбывшихся и не успѣвшихъ выказаться силъ. Въ эти долгія ночи, когда я былъ какъ бы оторванъ отъ всего земнаго и погруженъ исключительно въ самого себя, все мое прошлое возставало передо мною въ смутныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существенныхъ чертахъ. Подробности исчезли, но все завѣтное, все затаенное, все, что составляетъ, временно затмѣвающуюся, но въ сущности, вѣчную и неизблемую основу человѣческаго существованія, всплыло наружу съ неуправимой силой. Одно непоколебимое отнынѣ чувство овладѣло мною: сознаніе невозможности для брэннаго человѣка отрѣшиться отъ живого источника всякой жизни, отъ того, что даетъ ему смыслъ и бытіе. Мнѣ показалось непонятнымъ, какимъ образомъ я могъ въ теченіе 15 лѣтъ оставаться безъ всякой религіи, и я обратился къ ней съ тѣмъ большимъ убѣжденіемъ, что все предшествующее развитіе моей мысли готовило меня къ этому повороту».

На этихъ словахъ слѣдуетъ оборвать цитату. Далѣе идутъ разсужденія, немного сухія и холодныя, построенныя по гегелевской схемѣ тезиса, антитезиса и синтеза, — разсужденія представляющія собой конспектъ будущаго философскаго трактата, написаннаго Чичеринимъ подъ названіемъ «Метафизика и религія». Кто ограничился бы чтеніемъ этого трактата, для того никогда не открылось бы, что въ основѣ изложенныхъ въ немъ концепцій лежитъ, въ сущности, не логика, а нѣкоторое жизненное событіе, которое открыло передъ Чичеринимъ созерцаніе бездны бытія. Душа Чичерина соприкоснулась съ тѣмъ мистическимъ переживаніемъ, которое онъ такъ тщательно старался изгнать изъ науки.

Для гегельянства человѣческая личность является только моментомъ въ развитіи абсолютнаго Духа. Въ своей философіи права Гегель показываетъ, какъ моментъ этотъ поглащается высшими ступенями развитія и растворяется въ государствѣ. Въ философіи исторіи Гегеля личность является орудіемъ историческаго процесса, который черезъ нее совершаетъ свой предустановленный путь. Этотъ гегельянскій мотивъ нельзя не уловить, читая воспоминанія Чичерина. При путешествіи изъ Киссенгена въ Голландію Чичеринъ ѣхалъ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ II, и вотъ что записалъ онъ о немъ. «Я все всматривался въ фигуру монарха, который здѣсь являлся мнѣ въ обыденной жизни и я все удивлялся, какъ мало его наружность говорила о величіи совершенныхъ имъ дѣлъ... Лицо было довольно красивое, съ мягкимъ выраженіемъ, но ничего не значащее.; какіе то телячіи глаза, тщательно припомаженные впередъ виски, пустая рѣчь, довольно пошлыя ухватки. Вмѣсто державнаго вѣнценосца я видѣлъ передъ собою армейскаго майора. Откуда же взялись всѣ эти великія дѣянія, которыя перевернули русскую землю и разомъ поставили ее на новый путь... Онъ могъ служить примѣромъ того, какъ Провидѣніе для совершенія величайшихъ дѣлъ употребляетъ иногда весьма обыкновенныя орудія. Когда вопросъ созрѣлъ въ общественномъ сознаніи, для рѣшенія его не надо генія; достаточно человѣка благонамѣреннаго и здравомыслящаго».

Но въ отношеніи гегельянства къ личности нельзя упустить и другой стороны . Гегельянство было той философіей, въ которой, какъ вѣрилъ ея авторъ, Абсолютный Духъ дошелъ до познанія самого себя и обнаружилъ свое внутреннее существо. Философъ, совершавшій такой актъ, не могъ не быть зараженнымъ нѣкоторой гордыней, внушенной не столько близостью къ Абсолютному, сколько почти что полному отождествленію своихъ духовныхъ процессовъ съ процессами развитія Верховнаго Разума. Въ силу гордыни этой гегельянство и породило ту уродливую абсолютизацію человѣка, которую мы встрѣчаемъ у Макса Штирнера и у другихъ «лѣвыхъ» гегельянской школы. Духовный обликъ Чичерина былъ, пожалуй, всего болѣе конгеніальнымъ съ этой послѣдней стороной гегельянства. Основной чертой характера Чичерина было какое-то особое стремленіе къ гордой самодостаточности, къ самоувѣренному утвержденію полной автономности собственнаго бытія. Люпытный юношескій разговоръ произошелъ у него однажды съ однимъ изъ служащихъ его отца во время прогулки по парку въ селѣ Карауль, Тамбовской губерніи. Спутникъ Чичерина вдругъ среди разговора остановился и говоритъ: «А знаете ли, Борисъ Николаевичъ, какая это высокая мысль : у меня есть

покровитель. Я немедленно отвѣчалъ ему: *Такая же высокая мысль: у меня нѣтъ покровителя, я стою на своихъ ногахъ и опираюсь только на себя*». Слова эти просто символичны. Б. Н. Чичеринъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ, который ни отъ чего и не отъ кого не хотѣлъ зависѣть. И даже тогда, когда внутренне онъ смирилъ свою крайнюю гордыню, — даже тогда это стремленіе къ самодостаточности было едва ли не основнымъ его жизненно-практическимъ стимуломъ. Службы онъ не хотѣлъ, такъ какъ она дѣлаетъ «непосредственнымъ орудіемъ правительства». Ко двору онъ также не примыкалъ, такъ какъ придворную жизнь считалъ пустой суетной и ничтожной. Можетъ быть и наука ему больше всего нравилась потому, что здѣсь можно было все строить на своемъ разумѣ. Никакого давленія въ области убѣжденій онъ не выносилъ и какъ только онъ его почувствовалъ, тотчасъ же бросилъ блестящую научную карьеру и уѣхалъ въ свой Караулъ, гдѣ жилъ, какъ вполнѣ независимый баринъ.

Данный Чичерину природой умъ сдѣлалъ его сухимъ, высокомернымъ, самоувѣреннымъ. Читая его воспоминанія поражаешься его рѣзкимъ, презрительнымъ сужденіямъ о людяхъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ людей своего круга, и своего образованія — остальные всѣ ничтожества и пошляки. Болѣе всего, повидимому, Чичеринъ уважалъ своего учителя Грановскаго, который, по собственному признанію Чичерина, оказалъ на него огромное вліяніе. «Грановскаго, пишетъ Чичеринъ, я полюбилъ всей душой, и память о немъ осталась однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни». Съ уваженіемъ отзывается онъ о московскихъ людяхъ 40-хъ годовъ, болѣе о западникахъ, чѣмъ о славянофилахъ, такъ же какъ о нѣкоторыхъ своихъ московскихъ сослуживцахъ, о Рачинскомъ, С. М. Соловьевѣ, Бредихинѣ, Бабстѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Остальные всѣ — и въ частности болѣе молодое поколѣніе, къ которому принадлежалъ, на примѣръ, Коркуновъ — это уже сплошное убожество. Замѣчательно, что подобное высокомеріе Б. Н. Чичеринъ практиковалъ не стѣсняясь положеніемъ, чинами и рангами. Любопытный эпизодъ передаетъ самъ Чичеринъ изъ своего путешествія по Европѣ, въ качествѣ преподавателя наслѣдника. Въ Фридрихсгафенѣ, возвращаясь съ придворной дамой съ пріема отъ вюртембергскаго короля, Чичеринъ сталъ излагать ей свои впечатлѣнія отъ бесѣды съ этимъ послѣднимъ. Придворная дама въ отвѣтъ сообщила Чичерину, что онъ понравился королю, но не удержалась, чтобы не замѣтить Чичерину о способѣ его вести разговоры съ высокопоставленными лицами: «Вы слушаете, — сказала она — съ такимъ высокомернымъ видомъ, какъ будто все, что вамъ говорятъ, не стоитъ

вниманія». Можно представить, какъ бесѣдовалъ Чичеринъ съ обыкновенными людьми, если онъ такъ говорилъ съ королями.

Когда взираешь на такіе гордые характеры, невольно приходятъ на умъ вѣщія слова: «смирись гордый человекъ». И оказывается у Б. Н. Чичерина были въ жизни моменты такого смиренія, когда душа его вдругъ обнаружила совсѣмъ другія черты, когда онъ встаетъ передъ нами какъ бы *другимъ человекомъ*. Случилось это въ тѣ страшные дни болѣзни, во Флоренціи. Вотъ какъ описываетъ онъ намъ дни своего выздоровленія: «Пробужденіе къ жизни имѣло ни съ чѣмъ несравнимую прелесть. Физическія страданія исчезли; въ душѣ водворилось какое-то ясное, безмятежное, почти райское состояніе. Всякая мелочь казалась мнѣ полной чарующей поэзіи. Когда въ первый разъ мнѣ отдернули занавѣску, и показали свѣтъ, я не могъ оторвать своихъ глазъ отъ *пошлыхъ* обоевъ комнаты, гдѣ я лежалъ... Когда затѣмъ открыли окно, окутавъ меня съ головы до ногъ фланелью, и въ комнату вдругъ ворвался весь городской шумъ, голоса людей, стукъ экипажей, блескъ бушующаго подъ окномъ Арно, мнѣ казалось, что я нахожусь въ какомъ то волшебномъ мірѣ, гдѣ раздаются райскіе звуки. Въ *окно какъ будто влетало все обаяніе бытія*... Но еще болѣе нежели вещи, радовали меня люди. Каждый человекъ, который приходилъ меня навѣстить, представлялся мнѣ ангеломъ, посланнымъ съ небесъ; я любилъ его всѣмъ сердцемъ и привѣтствовалъ его, какъ давно желаннаго друга. Въ тѣ дни, какъ свидѣтельство сдѣланное замѣчательное описаніе, исчезло презрѣніе къ людямъ, взглядъ на нихъ какъ на нижестоящихъ ничтожествъ и пошляковъ. Человекъ и міръ предсталъ во всемъ «обаяніи бытія». Но, что самое главное, въ эти дни Чичерину пришла мысль, которая въ сущности въ пылъ и прахъ разбивала всѣ его основныя установки по отношенію къ человѣческой личности. Въ тѣ дни онъ созналъ, *«что самъ человекъ, своею личною волею, не въ состояніи себя обновить. Нужна высшая духовная власть, которая, проникая въ тайны человеческого сердца, сказала бы ему: «прощаются тебѣ грѣхи твои» и благословила бы его на новый путь*». Сколь непохоже это на гегельянскую личность, какъ органъ имманентнаго ей абсолютнаго Разума. И какъ это далеко отъ формулы: «у меня нѣтъ покровителя; я стою на своихъ ногахъ и опираюсь только на себя».

Философія права Гегеля оканчивалась культомъ конституціонной монархіи, какъ высшаго идеала политическаго устройства. Идеалу этому идейно служилъ и Б. Н. Чичеринъ. Нѣкоторыя страницы его воспоминаній даютъ намъ интересныя

характеристики его политических убѣжденій, которыя онъ самъ называлъ «охранительнымъ либерализмомъ». «Сущность охранительнаго либерализма» — пишетъ онъ — «состоитъ въ примиреніи началъ свободы съ началами власти и закона. Въ политической жизни лозунгъ его: либеральныя мѣры и сильная власть, — либеральныя мѣры, предоставляющія обществу самостоятельную дѣятельность, обезпечивающія права и личность гражданъ, охраняющія свободу мысли и совѣсти, дающія высказаться всѣмъ законнымъ желаніямъ, — сильная власть, блюстителница государственнаго единства, связующая и поддерживающая общество, охраняющая порядокъ, строго надзирающая за исполненіемъ закона, пресѣкающая всякое его нарушеніе, внушающая гражданамъ увѣренность, что во главѣ государства *есть твердая рука, на которую можно надѣяться, и разумная сила, которая сумѣетъ отстоять общественные интересы противъ напора анархическихъ стихій и противъ воплей реакціонныхъ партій*».

Эта «твердая рука» и «разумная воля» и инкорпорируется въ единоличной власти монарха, какъ власти надклассовой, нейтральной. Такъ обосновалъ идею монархіи Лоренцъ фонъ Штейнъ, такъ ее строилъ у насъ Б. Н. Чичеринъ. Но монархія должна быть ограниченной, такъ какъ въ самодержавномъ правленіи, даже мягкомъ и склонномъ къ реформамъ, трудно выставить наглядно всѣ темныя стороны самовластия». И поэтому народное представительство должно ограничивать монарха, «твердую руку» должна сдерживать сила общественнаго мнѣнія, выражаемаго въ народномъ представительствѣ.

Чичеринъ своими глазами видѣлъ всѣ отрицательныя стороны самодержавнаго режима. Онъ родился и жилъ при самодержцѣ, котораго можно считать просто классическимъ. Несравненную характеристику его даетъ намъ Чичеринъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Въ Николаѣ I» — пишетъ онъ — «воплотилось старое русское самодержавіе, во всей своей чистотѣ и во всей своей неприглядной крайности. Внѣшнее впечатлѣніе онъ производилъ громадное. Въ немъ было что то величавое и даже обаятельное. Онъ чувствовалъ себя безграничнымъ владыкой многихъ милліоновъ людей, избраннымъ Богомъ главою великаго народа, имѣющаго высокое призваніе на землѣ. Онъ зналъ, что единое его слово, единое мановеніе можетъ двигать массы; онъ зналъ, что по прихоти своей воли онъ можетъ каждаго изъ этихъ многихъ милліоновъ возвеличить передъ всѣми или повернуть въ ничто. Это гордое чувство силы и власти отражалось на всемъ его существѣ. Самая его высокая и красивая фигура носила на себѣ печать величія. Онъ и говоритъ умѣлъ какъ монархъ. Дѣйствию на приближающихся къ нему

часто бывало неотразимое. Всякій чувствовалъ, что онъ видитъ передъ собою царя, предводителя народовъ... Но подъ этимъ внѣшнимъ величіемъ и блескомъ скрывалась мелкая душа. Онъ былъ деспотъ и по натурѣ и по привычкѣ, деспотъ въ полномъ смыслѣ. Онъ не терпѣлъ никакой независимости и ненавидѣлъ всякое превосходство. Даже внѣшняя красота оскорбляла его въ другихъ... Онъ одинъ долженъ былъ быть во всемъ... И это непомерная гордыня, это самопревознесение незнающей границъ власти не смягчалось, какъ у Людовика XIV пріобрѣтенными въ образованной средѣ привычками утонченной вѣжливости. Они соединялись съ чисто солдатскими ухватками и проявлялись надъ беззащитными людьми во всей своей грубости и наглости».

Черты эти не могли не отталкивать отъ самодержавія. Но интересно поставить вопросъ, какими *живыми чертами* изображаетъ Чичеринъ тѣ многочисленныя конституціонныя монархіи, которыя ему пришлось увидѣть во время заграничнаго путешествія съ наслѣдникомъ. Посѣтилъ онъ ихъ множество и образно описалъ. Встѣ онъ на пріемѣ у короля голландскаго. «Тяжелый и неповоротливый король голландскій» — пишетъ онъ — «видимо не находилъ, что ему сказать этому ряду облеченныхъ въ мундиры людей совершенно ему незнакомыхъ. Онъ подходилъ по очереди къ каждому и съ грустнымъ видомъ повторялъ одну и ту же фразу: «Et vous aussi, vous vous quittez?» Ктонибудь одинъ изъ насъ могъ отвѣчать, что жаль расставаться съ такимъ интереснымъ краемъ, но разнообразить было мудрено. По признанію нашего поклонника монархіи, «изъ всѣхъ вѣнценосцевъ, которымъ намъ приходилось представляться, я нашелъ, что самый изобрѣтательный былъ король португальскій. Обходя всѣхъ по очереди онъ каждому шепталъ что-то на ухо, такъ что сосѣди не могли слышать. Этимъ способомъ можно было одну и ту же фразу отпустить всѣмъ, не будучи смѣшнымъ». Нѣтъ стиль живой монархіи рѣшительно претилъ Чичерину. Въ своихъ лекціяхъ они отлично учили, что согласно Монтеスキе, принципомъ монархіи является *честь*. Къ этой «чести» онъ и не имѣлъ дѣйствительнаго вкуса. Онъ находилъ, что внутренне въ «окружающей престол-средѣ» «самое низкое раболѣпство сочетается съ самымъ беззастѣнчивымъ злословіемъ». Но всего болѣе отвращали его внѣшніе аксессуары этой чести. Къ орденамъ и наградамъ питалъ онъ искреннее презрѣніе. «Видя, какъ суетные люди страстно ихъ домогались и съ гордостью носили, я не разъ упрашивалъ, чтобы меня отъ нихъ избавили. Но мнѣ говорили — продолжаетъ Чичеринъ — что это невозможно. Утромъ 8-го сентября намъ принесли вюртембергскіе ордена, которые

мы должны были одѣтъ къ обѣду. Въ первый разъ мнѣ пришлось украшаться этой *вывъской человѣческой пошлости* и я сдѣлалъ это съ какимъ то чувствомъ негодованія и отвращенія. Передъ обѣдомъ наслѣдникъ увидѣвъ меня въ полномъ парадѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ улыбкой: «А! наконецъ, и вы въ орденахъ». — «Мнѣ очень жаль, еаше высочество — отвѣчалъ я — что мнѣ пришлось оскверниться въ день вашего рожденія».

Можно спросить, вправѣ ли человѣкъ столь отрицательно относящійся къ конкретнымъ воплощеніямъ монархіи, быть ея теоретическимъ проповѣдникомъ. Не значить ли это, что культивировалась абстрактная, бесплодная идея, а не дѣйствительный историческій институтъ. Оправданіемъ этой вѣры является у Чичерина, что идею все же можно воплотить въ конкретныя формы. И судьба предоставила Чичерину возможность продѣлать такой опытъ, имѣвшій впрочемъ трагическій конецъ. Можно думать, что Б. Н. Чичеринымъ, согласившись послѣ долгихъ колебаній преподавать наслѣднику, руководила слѣдующая задача: путемъ воспитанія хорошаго монарха создать совершенную монархію. Матеріаль для этого опыта оказался невѣроятно подходящимъ. Приступивъ къ преподаванію съ сомнѣніемъ, отдавая отчетъ во всѣхъ трудностяхъ, которыя обуславливаются придворной средой, Чичеринъ однако же послѣ первыхъ уроковъ получилъ впечатлѣнія самыя благопріятныя. Вотъ что онъ записалъ о своемъ ученикѣ, котораго полюбилъ всей душой: «прелестный юноша, съ образованнымъ умомъ, съ горячимъ и любящимъ сердцемъ, веселый, привѣтливый, обходительный, принимающій во всемъ живое участіе, распространяющій вокругъ себя какое то свѣтлое и отрадное чувство». Послѣ первыхъ уроковъ по исторіи политическихъ учений, по Платону и Аристотелю, была произведена репетиція: наслѣдникъ отвѣчалъ лучше, чѣмъ любой изъ студентовъ, проэкзаменованныхъ профессоромъ въ Московскомъ университетѣ. А профессоръ былъ на экзаменѣ строгій. У Чичерина началось подлинное увлеченіе, настоящей идейный романъ. Онъ вкладывалъ въ будущаго русскаго царя всю свою душу, всѣ свои большія знанія — и былъ истинно удовлетворенъ плодами. Судьба, впрочемъ, не дала Чичерину возможности довести это дѣло до конца. Наслѣдникъ, какъ извѣстно, тяжело заболѣлъ во время путешествія и умеръ на югѣ Франціи. Тѣло его оттуда русская эскадра привезла въ Петербургъ, и Чичеринъ сопровождалъ останки своего любимѣйшаго и, кажется, единственнаго ученика. Вотъ что онъ записалъ о днѣ погребенія тѣла: «Я дождался пока всѣ разбрелись, чтобы поклониться дорогому праху. Погруженный въ воспоминанія я стоялъ передъ едва закрывшейся могилой... *Для меня не было новаго солнца.*

Въ этой ранней могилѣ были похоронены лучшія мои мечты и надежды, связанныя съ благоденствіемъ и славой отечества. Россія рисковала имѣть образованнаго государя съ возвышенными стремленіями, способнаго понять ея потребности и привлечь къ себѣ сердца благороднѣйшихъ ея сыновъ. Провидѣніе рѣшило иначе. *Можетъ быть нужно было, чтобы русскій народъ привыкалъ надѣяться только на самага себя».*

Н. Н. Алексѣевъ.
